



Так было

Николай
БОНДАРЕНКО

Московская
область

Николай Алексеевич Бондаренко родился в 1938 году в г. Ташкенте. Автор поэтических книг «Рваное облако», «Ветер времени», «Последний хадж из Петербурга в Апраксино», «Високосная радуга», «Болдинский листопад», фантастического романа «Бег свободных Кентавров», красочных книжек для детей «Синеглазка, три брата и лютый Змей», «Лягушонок и лягушечка Ква-ква» и др. Член Союза писателей СССР (1978 г.) и России. Живёт в Подмоскowie.

МОЙ ДОРОГОЙ ОТЕЦ

Воспоминание

ВОЕННЫЙ ШОКОЛАД

1.

Как ни запомнить:

тётя-почтальонша

С набитой сумкой и одной рукой

Стучится в дверь, улыбка –

ярче солнца,

Слова – рекой от радости такой.

Ещё бы – с фронта! От родного

папы

Войной овеванный, особенный

пакет!

Порадуется Мишка косолапый,

От Мишки у меня секретов нет.

Мы сразу замерли, мы ожидаем

чуда,

У мамы ножницы – она вскрывает

клад...

Ну, наконец-то, сбросили три пуда,

«Ура!» – кричим: письмо

и шоколад!

Листок исписанный, конечно же,

для мамы,

Она, я знаю, десять раз прочтёт,

А шоколад – он броневойный

самый,

Военный он и, значит, ещё тот!

Не сладость, а спасенье для героев,

С ним голод – никакая не беда,

Мы с Мишкой ждём, когда фольгу

откроют,

Полакомимся досыта тогда.

Но мама говорит: «Успеем скушать.

А папе – что? Один простой

«привет»?..

Узнает пусть – скучают наши

души...

На Тезиковой даче* есть секрет...»

Меня и Мишку быстро приодели

И напрямиком – в грохочущий

трамвай...

Был настоящий праздник,

в самом деле,

Лети вперёд и радость не скрывай!

Езда недолгая, «секрет» искать

не надо.

Нас встретил на пороге старичок –

Пронырливый, как сказочный

сверчок,

С заботливым и добрым-добрым
взглядом.

Меня и Мишку усадил на стул

И лапу приподнял для шоколадки,

Под покрывало чёрное нырнул:

«Внимание!» – и щёлкнул.

«Всё в порядке.

Теперь моя, гражданочка, работа.

Не подведу. В субботу будет фото».

Мне всё равно, получит фотку

мама

И папе обязательно пошлёт.

А шоколад уж точно –

самый-самый,

Такого не едал а-эро-флот...

Скорей домой! Мечтаю на бегу

Отведать вдоволь папину усладу.

Когда же, ну, когда же я смогу

Губами прикоснуться к шоколаду!..

Хрустит фольга и, кажется, звенит

Над прошлым, над лесами,

над степями...

И хруст далёкий до сих пор хранит

Сыновняя восторженная память...

2.

Отец приплыл домой в конце
войны,
Да, да, приплыл из Англии далёкой.
Сбылись мои мальчишеские сны –
Он выбрался из пропасти глубокой.
Плясали мы, когда он в дом вошёл –
Раздольно, весело, хотя устал
порядком,
И наш простой, не очень щедрый
стол
Украсил знаменитой шоколадкой.
На гимнастёрке две больших
награды

Спасителю Отчизны от беды:
Медаль «За оборону Ленинграда»
И орден Красной (боевой!) Звезды.
Какой там отдых! Он не отдыхал –
Идёт война, и на войне – пилоты,
Немедленно главкома разыскал
И сразу в рейсы, в дальние полёты.
Когда освоился с работой тыловой,
Однажды поделился по секрету:
«Не верится удаче – я живой!
Не сгинул тенью в океане где-то...
Нет, я не трус, но съёжится любой –
Прицельно бьют воздушные
бандиты!
Когда б не помощь, не внезапный
бой,
Нас потопили бы с крестами
«Мессершмитты»...
Бандит в пике – так даже волк
не выл...
Не убежать, но что-то делать надо...
Одно лекарство – ломтик шоколада:
«Таблетку» в рот – и обо всём забыл!»

3.

Зима была не снежной,
не морозной,
Зелёных ёлок на толкучке нет,
Заказывать пилотам было поздно...
Конечно, не беда в стране побед.

Я подрастал, уже учился в школе,
Но к ёлке не утратил интерес
И думал тайно: по моей бы воле
Помчаться в Россию – в настоящий
лес!

Отец услышал: «А давай нарядим
Вот этот рослый и густой цветок,
Прикроем ватой спереди и сзади,
Фольгой засветим запад и восток!
Флажок воздвигнем – памятное
знамя,
Пусть видят недобитые враги!
А самолёты вырежем мы сами

Из шоколадом пахнущей фольги.
Когда-то мы всем нашим экипажем
Берёзку украшали так и сяк:
Открытки, гильзы и патроны даже,
И обязательно в завёртках
шоколад.
Искрилась ёлка, и фольга сверкала,
Весь добрый мир стоял горой
за нас,
Но нам в застолье места было мало –
Кричали тосты, все срывались
в пляс...»

НАТАША

1.

Не верилось: была мужская школа –
В ашички резались, играли
в стукана,
Конечно, тайно, кроме волейбола...
И вдруг пришли девчонки...
Вот те на!
На них когда-то издали глядели,
Теперь – за партами, любуйся
целый день.
Серьёзная проблема, в самом деле,
Привыкнуть – не туфта,
не дребедень.
Ведь ты не в первом, а в девятом
классе,
Конечно, красота, и в общем – во!
Но девушка теперь – не просто
«здрате»,
Она особое земное существо...

Уже подводит память озорная,
Но юность высится незыблемой
стеной,
Всех одноклассниц часто
вспоминаю,
Но здесь скажу особо об одной.
Так, если у доски блистала Ольга,
А Лиля скромно комкала платок,
Наташа – как таинственная Волга,
Идущая красиво на Восток.
Взгляд чёрных глаз немножечко
раскосый,
В нём то ли смелость, то ли блеск
и звон...
Но всё же больше удивляли косы,
Тугие, толстые, взлетают с двух
сторон.
На вечерах она не танцевала,
Была не в радости, а где-то
вдалеке...
Зато уроки никогда не попускала
Шла гордо и уверенно к доске.

Не девушка, а странная загадка...
Да, тайное земное существо!..
Но как тебе без опыта, вприглядку
Дознаться, докопаться до всего!..

2.

Пришёл из школы. Мама
на дежурстве.
Себе еду готовить не прошу,
Я наловчился в кухонном
искусстве –
Варю и жарю, мелко крошу.
На кухне шумно. С дальнего
полёта
Отец привёл свой дружный
экипаж.
Я знаю: просто радость,
без расчёта:
Ты близкий друг, ты просто свой
и наш.
Сейчас отец не думает о сыне,
Всё верно – совершается полёт!
Пилоты за столом –
В одной большой кабине,
А кухня – Ил-12, самолёт!
Включаю плитку, суп разогреваю.
Почти забулькал, будет в самый
раз...
Но всё на свете разом забываю,
Услышав имя и живой рассказ.

Отец:
«Мы все в миру такие и сякие,
И все растаем, как весной снег,
Но слишком рано Ибрагим
Жантиев
Растаял в Ладоге... Редчайший
человек!
Взлетали тройками, строжайше
друг за другом,
Так удавалось отгонять налёт,
Но эту сволочь не возьмёшь
испугом,
Не там, так здесь, но слабину
найдёт.
Не сразу, по неведомым причинам,
Поднялся замыкающий Ли-2,
А в небесах – бездушная детина,
В крестах железных лютая
братва...
Я палачам давно не удивлялся
И видел не один кровавый бой,
А Ибрагим... Как стойко он
сражался
И уходил под воду, как герой!»
Отец сказал: «Для верного конца
Хочу напомнить «Книгу
про бойца»:

«Кому память, кому слава,
кому тёмная вода...»
Ибрагиму – только память,
Только слава
Навсегда!»

3.

Теперь понятно, страшно самому –
Наташа боль ужасную скрывает...
Ох, не дай бог несчастья никому,
Но всё же до конца не принимаю
И почему-то кулаки сжимаю:
«Кому память, кому слава,
кому тёмная вода...»
Казалось бы, забылось, отболело,
И нужно громко радоваться, петь,
Но жил я в классе робко, неумело,
Смех и печаль – не получалась
смесь.
Неясный стыд, какая-то
виновность
Рулили поведением моим,
Бедой войны приговорённый
словно,
По-настоящему я не был молодым.
Старался краем обходить Наташу,
Себе внушая – не моя вина,
Я тоже кушал огненную кашу,
Которую сварганила война...

А через год – прощай родная школа!
Мы разбрелись по свету – кто куда,
Так далеко, что большего раскола
Не нанесут ни распри, ни вражда.
Всё объяснимо: каждый обрастает
Семьёй, работой, тысячью забот,
И каждый, без сомнения, мечтает
О встрече с прошлым, терпеливо
ждёт.
Я стал искать, расспрашивал
знакомых,
Случайно адрес Ольги раздобыл.
Лечу в Москву, мчусь на такси
до дома –
И встрече рад, и поумерил пыл.
Успешна Ольга, замужем
за Юркой,
Его я знаю, параллельный класс,
Знакомит с удивительной
дочуркой –
Красавица царевна, без прикрас.
Сама-то Ольга мало изменилась –
Стройна, подвижна, не видать
морщин,
Ей, видно, и теперь чужды
унылость
И слёзы без особенных причин...
Сейчас хозяин в деловом отъезде...

«Ты сам-то как? Ты о тебе давай...»

Разговорились: что теперь,
что прежде...

Борщ на столе и свежий каравай.
Спросил о Юрке.

«Как китайцы, пашет!»

Спросил о Гале, Ляне и других.

Не знает ли, я вспомнил, о Наташе?
Запнулся от волнения и затих.

«Ну как не знать, не тайная
квартира.

Наташа только с мамой,
не разнять.

У них одна мечта: во имя мира
Упавший «Дуглас» из воды

поднять».
Я загорелся: «А нельзя ли в гости?..»

Ответ медлительный: «Я думаю,
нельзя...

Когда беда, зачем же на погосте
Шуметь... У них своя, особая

стезя...
Два скорбных человека... Вечный

траур...
Остынь, подумай умной головой...»

Я обомлел. Во мне поникли травы...
Зашевелился ветер грозовой...

...Простились. Я себе сказал,
не Ольге,

Что не лишён ни такта, ни стыда,
Вот только жаль – не поклонился

Волге
И с детством распрощался

навсегда.

НАПУТСТВИЕ

Перед отъездом я зашёл к отцу,
Он на балконе в новенькой

пижаме.
Пока на отдыхе, удобно и к лицу;
Хозяйствует, не докучает маме.

Когда-то здесь я сбрасывал
сосульки

И нюхал дынь восточные духи...
С отцом из тальника выделявал

свистульки
И «Мойдодыр» читал – потешные

стихи...

Здесь красками блистал художник
Пластов,

Карандашами восхищал отец...
Здесь гости собирались, шумно,

часто,
И был обычный отдых, наконец...

Отец листает «Книгу про бойца»,
На столике «Спидола»...

Только всё же
Высматривает с видом мудреца

Из-за перил второго этажа
Знакомых и друзей

среди прохожих.
Не упустить же вероятный шанс

И заменить игрой пустое время,
Блеснуть умом, сразиться

в преферанс,
Ответить шуткой, как боец

в поэме!
Отыщется игрок, само собой,
Игра не в крупную, не для валюты

в сумке,
Без победителей; на выигрыш

любой –
Бутылка, чтобы каждому

по рюмке.

«Ты самолётом? Радостная весть.
Я отлетал. Теперь хожу с задором!

Ты помнишь: «Немец не был –
сало есть?»

Тебе пожарить? Можно
с помидором...

Ну что ж, платочком помашу
с крыльца!

Лети, дерзай, задерживать
не стану,

Скажу словами «Книги про бойца»,
Но прежде брату передай привет,

Ивану.
Мы жить не будем задом наперёд,
А как раз наоборот:

«Нынче мы в ответе
За Россию, за народ

И за всё на свете»

Поклон тебе, мой дорогой отец!
Ты был таким, как весь двадцатый

век –
И фронтовик, и просто человек.